

Элементы психологизма в русской романтической литературе

Митико КАНАДЗАВА^{*1)}

ロシア・ロマン主義文学における心理主義

金 沢 美知子

要 旨

西欧では心理小説は小説文学の発達に大きな役割を果たした、ひとつの明確なジャンルであったが、ロシア文学においては心理小説は文学史上希薄な存在で、項目を立てていない文学事典も多い。しかし、ロシア文学研究にこの概念が欠落しているわけではなく、レールモントやドストエフスキのように心理描写に非凡な才能を示した作家もいる。ただ心理小説はそれと対立する諸ジャンルの所為で文学史の表舞台に立つ機会が少なく、ジャンルとして市民権を得にくかったものと思われる。

ロシアの心理小説はフランスやイギリスの場合と異なり、センチメンタリズムの代表的作家であったカラムジンを経て、ロマン主義の時代に擡頭した。ロシア文学における心理小説の特徴を明らかにするために、本稿ではロマン主義文学における心理描写について考察した。特に、この時期に重要な役割を果たした A.ベストゥージェフ＝マルリンスキイの作品、および 1830・40 年代における心理小説とロシア自然派の關係に照明をあてている。

1

В Западной Европе психологические роман и повесть играли большую роль в литературной истории. Однако в русской литературе, отличной в разных отношениях от западно-европейской, они не играли такой же роли. У исследователей в России этот литературный жанр не вызывал такого большого интереса, как другие жанры, например, исторический роман, Физиологический очерк и т. д.

Между тем, и русской литературе психологический роман представляет собой один собственный жанр. В настоящей статье, для разъяснения роли психологического романа в русской литературе,

---

^{*1)} 放送大学助教授 (外国語)

рассматриваются элементы психологизма, особенно в романтических произведениях. Притом сравниваются эти элементы с характерами натуральной школы, первой реалистической литературы.

Во многих русских литературных энциклопедиях отсутствует термин “психологизм” или “психологический роман”. К сожалению, мне кажется, эти понятия долгое время недооценивали. Однако, это не значит, что психологический роман не играл никакой роли. Всем известно, Лермонтов являлся выдающим писателем-психологом. В *Лермонтовской энциклопедии* приводится термин “психологизм”, где подробно объясняются история психологического романа и элементы психологизма в его произведениях.

Психологизм как художественное отображение процессов внутренней жизни, внутреннего мира человека в творчестве Лермонтова занимает значительное место. Как осознанный эстетический принцип изображения психологизма восходит к эпохе Возрождения; важным этапом в его развитии явилась эпоха резких социально-исторических и идеологических потрясений конца 18—1-й половины 19 вв. Сентиментализм и романтизм заложили основы развития психологизма во всех родах и жанрах литературы. Предшественниками лермонтовского психологизма в мировой литературе были Ж. Ж. Руссо, И. В. Гёте, Ф. Р. Шатобриан, Э. П. Сенанкур, Б. Констан, А де Мюссе. В русской литературе элементы психологизма присутствовали в произведениях Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева. Развитие психологизма Лермонтова подготавливалось поэзией В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, прозой А. А. Бестужева, В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова, а также творчеством А. С. Пушкина.¹⁾

Как это цитирование показывает, психологизм или психологическое выражение играл главную роль не только в лермонтовской литературе, а тоже в развитии русской прозы в первой половине 19-го века.

В Западной Европе психологический роман установил собственный стиль в 18-ом веке, в классическом периоде. Он расшил возможность прозаической литературы. Далее, он очаровал публику своим приёмом выражения, открывающего затаённый внутренний секрет. В тогдашней Европе психологический роман был одним из самых популярных литературных жанров. И с тех пор, главной задачей прозы становилось выражать человеческую внутренность.

Первым русским психологическим романом считают *Бедная Лиза* Карамзина. Это сентиментальное произведение, опубликованное в 1792 году, пользовалось широким успехом. Тогдашние читатели заметили в нём разные новые черты.

1. Автор написал роман новым литературным стилем. Этот стиль был совсем не похожим на прежний старый язык, а близким к разговорному языку. В этом отношении автор, можно сказать, довольно преуспел. Однако стиль романа был однообразен и все действующие лица говорили в одном и том же тоне. Автор не так преуспел по разнообразности стиля, как западно-европейские

писатели-психологи.

2. Автор задумывался над вопросом, как отразить вымышленный случай в реальном виде. До Карамзина и писатели и читатели считали, что роман—всего только романтическая выдумка. Однако автор *Бедной Лизы* разговаривал о любви и смерти героини Лизы, как будто бы это было действительное событие. Читатели тоже подумали, что Лиза, бедная крестьянская девушка, в действительности, покончила с собой из-за несчастной любви. Поэтому многие люди посещали пруд при Симоновком монастыре, где Лиза покончила с собой.

Итак можно сказать, что *Бедная Лиза* была примечательна, особенно с двух вышеуказанных новых попытках автора. Публика посчитала трагедию Лизы реальным происшествием и интересовалась Лизой, не как фиктивной героиней, а как девушкой, жившей в действительности.

Тем не менее, этот роман не была так совершенна и по стилю и по структуре, как английский или французский психологический роман. Мне кажется, русское психологическое выражение развилось не в *Бедной Лизе*, сентиментальном романе, а в романтических произведениях. Иначе говоря, западный психологический роман развился в классический период, а русский—в романтический. Это очень большая разница.

2

После *Бедной Лизы*, в первые годы 19 века, в русской литературе произошёл романтический сдвиг. Сначала в области поэзии, потом в области прозы. Особенно в романтической прозе появилось выражение внутреннего мира героев и героинь. Это внутреннее выражение наследовали от Карамзина и это имело много общего с карамзинским стилем. Однако большая разница была между романтическим психологизмом и карамзинским психологизмом.

Во-первых, в *Бедной Лизе* автор рассказывал больше всего о своём отношении к образу героини Лизы. А романтические писатели старались изобразить внутренний мир действующих лиц, а не свой.

Во-вторых, у Карамзина чувства и мысли героини были обыденные и знакомые публике, а романтические писатели больше интересовались необычным, необъяснимым и мистическим миром.

Итак, особенности романтического психологического произведения заключались в следующем :

1. Автор старался рассказывать о ненормальном хаотическом состоянии внутреннего мира героев.
2. Автор старался вводить и излагать не один внутренний мир, то есть, мир автора самого, а миры многих действующих лиц. Поэтому он стал рассматривать связь повествователя с героями, иначе говоря, повествовательную точку зрения.

В этой статье я хочу рассмотреть творчество А.Н. Бестужева-Марлинского, как представителя романиста-психолога. Уже широко известно, что самым выдающимся представителем романтизма является М.Ю. Лермонтов. Однако о его литературе до сих пор опубликовали много подробных

изучений. Марлинский сегодняшней публике не так известен и его почти не исследуют.

Бедстужев-Марлинский являлся популярным писателем в 1820-30 годах. Сегодня, к сожалению, жизнь и творчество Марлинского не так хорошо известны, как Лермонтова. Но Марлинский опубликовал психологические романы раньше Лермонтова. Первое прозаическое произведение Лермонтова, думают, было *Вадим*, написанный в 1833-34 году. После *Вадима* он писал несколько психологических повестей, а при его жизни опубликовали только одну *Герой нашего времени*.

А Марлинский уже в 1820 годах опубликовывал повести один за другим: *Роман и Ольга*, *Замок Венден*, *Вечер на бибуаке*, *Второй вечер на бибуаке* — в 1823 году, *Замок Нейгаузен* — в 1824 году, *Подвиг Овечкина и Щербина за Кавказом*, *Ревельский турнир*, *Кровь за кровь* — 1825 году.²⁾

В этих произведениях Марлинский развивал свой собственный приём для выражения внутреннего мира героев³⁾. Его приём был не только не похож на карамзинский, но и отличен от приёмов других современных ему писателей. Он обратил внимание на сенсуальные элементы человеческой внутренности и им придал особое значение. Никто из прозаиков, прежде него, не изображал эту сторону. Тенденция Марлинского, очевидно, развилась больше всего под влиянием французского романтизма, называемого "Неистовой школой". И эта тенденция представляла собой главнейшую особенность творчества Марлинского.

Рассмотрим подробно его психологизм.

3

Во-первых, Марлинский предпочитал физическое выражение метафизическому. У него ум и чувство крепко связывались с разными частями тела. В его произведениях горе и радость, грусть и весёлость, особенно любовное чувство излагают при конкретном описании о голове, лице, волосах, лбе, бровях, глазах, носе, рту, плече, груди, пояснице, руке, ноге и т. д. Чувство тоже излагают как физические явления: пот, слезы, кровь, жар, вздох и дыхание. Также встречаются выражения про пять чувств: звук, запах, ощущение...

До сих пор, когда я вспомню об уверении, что я любим, каждая жилка во мне трепещет, как струна, и если наслаждения земного блаженства могут быть выражены звуками, то, конечно, звуками подобными! Когда Я прильнул в первый раз своими устами к руке её, — душа моя исчезла в этом прикосновении! Мне чудилось, будто я претворился в молнию: так быстро, так воздушно, так пыла было чувство это, если это можно назвать чувством.⁴⁾

Не умею описать, что со мною случилось, когда, обвивая тонкий стан её рукою, трепетною от наслаждения, пожимал другой её прелестную ручку; казалось, кожа перчаток пряняла жизнь, передавая биение каждой фибры.... казалось, весь состав Полины прышет искрами! Когда помчались мы в бешеном вальсе, её летающие, душистые локоны касались иногда губ моих; я вдыхал ароматный пламень её дыхания; мои блуждающие взгляды проникали сквозь дымку, — я видел,

как бурно вздымались и опадали белоснежные полушары, волнуемые моими вздохами, видел, как пылали щеки её моим жаром, видел — нет, я ничего не видал... пол исчезал под ногами; казалось, я лечу, лечу, лечу по воздуху, с сладостным замиранием сердца! Впервые забыл я приличия света и самого себя. Сидя подле Полины в кругу котильона, я мечтал, что нас только двое в пространстве; все прочее представлялось мне слитно, как облака, раздуваемые ветром; ум мой крутился в пламенном вихре.⁵⁾

В произведениях Марлинского подчёркнута роль тела в человеческой внутренности. Его психологическое описание сильно увлекало тогдашних читателей своим живым сенсуальным ощущением. Можно заметить, что этот же психологизм оказал влияние на ранние произведения Ф. Достоевского: на романтическую повесть *Хозяйка*, на незаконченный роман *Неточка Незванова* и даже на первое произведение *Бедные люди*, в котором изображаются так называемые “обиженные” люди.

А только теперь все эти впечатления — утренние потрясли всё существование моё. Я прилягу. Мне, впрочем, покойно, очень покойно. Только душу ломит, и слышно там, в глубине, душа моя дрожит, трепещет, шевелится. Я приду к вам; а теперь я просто хмелен от всех ощущений этих... Бог видит всё, маточка вы моя, голубушка вы моя бесценная!⁶⁾

Одежда его касалась её одежды, и он слышал порывистое дыхание, вылетавшее из её уст, шептавших горячую молитву. Черты лица её по-прежнему были потрясены чувством беспредельной набожности, слезы опять катились и сохли на горячих щеках её, как будто омывая какое-нибудь страшное преступление. В том месте, где стояли они оба, было совершенно темно, и только по временам тусклое пламя лампы, колеблемое ветром, врывавшимся через отворенное узкое окна, озаряло трепетным блеском лицо её, которого каждая черта врезалась в память юноши, мучила зрение его и глухою, нестерпимою болью надрывала его сердце. Но в этом мучении было свое иступленное упоение. Наконец он не мог выдержать; вся грудь его задрожала и изныла в одно мгновение в неведомо сладостном стремлении, и он, зарывав, склонился воспаленной головой на холодный помост церкви.⁷⁾

4

Во-вторых романы и повести Марлинского полны бурных чувств и дикого поведения. В них повсюду встречаются измена, борьба и убийство. Марлинский, нам кажется, усердно старался изображать зло, темноту и зверство человека. Например, нижеуказанные сцены в повести *Страшное гадание*.

Кто знает, любовь или гнев волновали его душу, когда лицо его то пылало кровью, то вновь тускнело, как булат? Кто знает, гордость ли воздымала так высоко его брови, презрение ли двигало его уста? Высокие ль думы или тяжкое преступление провело морщины на челе?⁸⁾

Как лютый зверь кинулся я с саблею на безоружного врага, и клинок мой погрузился трижды в его череп, прежде чем он успел упасть на землю. Один страшный вздох, один краткий, но пронзительный крик, одно клокотание крови из ран—вот все, что осталось от его жизни в одно мгновение! Бездушный труп упал на склон берега и покатился вниз на лед.

Ещё насытый мстью, в порывы исступления сбежал я по кровавому следу на озеро, и, опершись на саблю, склонясь над телом убитого, я жадно прислушивался к журчанию крови, которое мнилось мне признаком жизни.

Испытали ли вы жажду крови? Дай бог, чтобы никогда не касалась она сердцам вашим ; но, по несчастью, я знал её во многих и сам изведал на себе. Природа наказала меня неистовыми страстями, которых не могли обуздать ни воспитание, ни навык ; огненная кровь текла в жилах моих. Долго, неизмеримо долго мог я хранить хладную умеренность в речах и поступках при обиде, но зато она исчезала мгновенно, и бешенство овладевало мною. Особенно вид пролитой крови, вместо того чтобы угасить, был маслом на огне, и я, с какою-то тигровою жадностью, готов был источить её из врага каплей по капле, подобен тигру, вкусившему ненавистного напитка. Это жажда была страшно утолена убийством.⁹⁾

Любовь описанная в повести *Страшное гадание*, не простая и сладостная, а очень страшная любовь. Я, герой этой повести, вместе с любовницей изменил её мужу и хотел убить его.

Марлинский, который ввёл такое психологическое описание, успех переменить сюжет и структуру повести. После Марлинского в романе и повести появились новые факторы : прелюбодеяние, убийство и другие разные преступления. Бесспорно, что Марлинский предшествовал Гоголю, Лермонтову и Достоевскому в том, что оно брало внимание на преступление и вину.

Карамзин, сентиментальный писатель, считал любовь трагическим и красивым чувством. Его героиня Лиза в конце концов покончила с собой и её самоубийство украсило эту трагическую драму. А Марлинский? Он описал страшную, неистовую любовь. Он, как представитель новой литературной тенденции, показал публике зло и зверство человека, психологию любовника и любовницы.

5

Спустя только 30 лет после *Бедной Лизы* Карамзина, в 1830 годах, психологический роман и психологическое описание сделались гораздо богаче и сложнее. Как было сказано выше, романист Марлинский играл большую роль для развития этого.

Между тем, во второй половине 1830-ых годов, уже появился признак новой тенденции. В то время публика стала желать, чтобы писатели-прозаики описать общественную жизнь. Далее, такое желание публики и тенденция писателей всё больше и больше усиливались в 1840-ых годах и появились писатели-реалисты. Велика была разница между писателем-романистом и писателем-реалистом. В чем была разница?

1. Первый принимал за тему внутренний мир человека, а второй занимался общественным бытом.
2. Первый изображал, главным образом, дам, джентльменов и высшее общество. А второй больше интересовался низшими слоями общества и изображал, крестьянина-бедняка, швейцара, шарманщика и маленького чиновника.
3. Первый предпочитал изысканные выражения, полное аллегорией и преувеличений. А второй пользовался простым, сжатым и очерковым описанием.

Словом, разница между романистом и реалистом была разницей между писателем-психологом и писателем-физиологом. Как известно, ранние писатели-реалисты, то есть, реалисты 1840-ых годов назывались “Натуральной школой”. Н. Гоголь считался представителем “Натуральной школы”. Писатели этой школы усердно описывали жизнь и быт народа простым стилем.

Тогдашние передовые критики и читатели радушно приняли эту новую тенденцию. Самый известный критик В. Белинский также высоко оценил натуральные сюжет и стиль этой школы. Белинский думал, что “натуральное”—важнейший и эффективный фактор для литературного творчества.

Он много раз пользуется понятием “натуральный” в своей критической работе.

Понятие “натуральный” Белинского иногда значит “не ложный”, “не фальшивый”, “прирождённый” и “настоящий”.

С Пушкиным почти исчезли из русской поэзии все следы карамзинского направления. Новое время и новое положение вещей дали поэту той эпохи другое направление. Но он был силен не столько силою времени, сколько своею глубоко художественною натурою: вот что с первого же шагу эмансипировало его от влияния Карамзина. Первоначальному направлению своему он изменил впоследствии, именно потому, что источник его скрывался в современности, а не в натуре его. Как человек Пушкин отразил на себе всю неопределённость и шаткость направлений и убеждений своего времени, и в уме его как-то странно уживались вместе тенденции поэта и помещика, человека и дворянина, мещанина и аристократа. Как поэт Пушкин противоречил себе как человеку, по крайней мере вежде, где был он верен своей артистической натуре, где он был преимущественно художником. Повторяем: сила его всегда была в его художественной натуре.¹⁰⁾

Далее, он часто обозначит этим понятием простоту, сжатость и естественность в форме и стиле произведения.

Мартигал (из записок гробовщика) кн. Одоевского исполнен интереса и по содержанию и по изложению. Можно заметить только, что этот рассказ был бы естественнее, если бы в него не был вмешан гробовщик, которому, несмотря на то, что он немец и учен, едва ли бы молодой человек стал открывать свои заветные и страшные тайны, готовясь, может быть, умереть насильственною смертию...¹¹⁾

Таким образом, вместе с характерами возможными, с лицами всем знакомыми, он вывел характеры фантастические, лица небывалые, и роман у него смешался со сказкою, натуральное заслонилося неестественным, поэзия смешалась с риторикою.¹²⁾

В его “Приключениях” толпится страшное множество лиц, из которых многие очеркнуты с необыкновенным мастерством ; много поразительно верных картин современного русского быта, но вместе с тем есть лица неестественные, положения натянутые, и слишком запутанные узлы событий часто разрешаются посредством *deus ex machina*.¹³⁾

Таким образом, Белинский и его кружок плохо оценили неестественные выражения. Для того, чтобы поддержать “натуральную школу”, он критиковал противоположное ей направление, то есть, фантастическое , а не простое произведение, написанное изысканным стилем.

6

В 1840-ых годах Белинский нападал, главным образом, на три нижеуказанные литературные направления.

Во-первых, нападение на литературу французской “неистовой школы”.

Во-вторых, нападение на романтические произведения Бестужева-Марлинского.

В-третьих, нападение на ранние повести Ф. Достоевского.

Например, Белинский в своей работе заявил следующее.

Что особенно хорошо в романах Евгения Сю?—верные картины современного общества, в которых больше всего видно влияние современных вопросов. А что составляет их слабую сторону, портит их до того, что отбивает всякую охоту читать их?—Преубеждения, мелодрама, эффекты, небывалые характеры вроде принца Родольфа, — словом, все ложное, неестественное, ненатуральное, — а все это выходит отнюдь не из влияния современных вопросов, а их недостатка таланта, которого хватает только на чистости и никогда не целое произведение.¹⁴⁾

Что это такое—злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги? Не знаем ; нам только показалось, что автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности. Удивительно ли, что вышло что-то чудвищенное, напоминающее теперь фантастические рассказы Тита Космокротова, забавлявшего ими публику в 20-х годах нынешнего столетия. Во всей этой повести нет ни одного простого и живого слова или выражения : все изысканно, науюнато, находулях, поддельно и фальшиво.¹⁵⁾

Какие произведения французской литературы причислены были у нас почему-то к неистовой

школе? Первые романы Гюго (и с особенностью его знаменитая “Notre Dame de Paris”), Сю, Дюма, “Мертвый осел и гильотинированная женщина” Жюль Жанена. Не так ли? Кто ж теперь их помнит, когда сами авторы их давно уже приняли новое направление? И что составляло главный характер этих произведений, не лишенных, впрочем, своего рода достоинств? — преувеличение, мелодрама, трескучие эффекты. Представителем такого направления у нас был только Марлинский, и влияние Гоголя положило решительный конец этому направлению.¹⁶⁾

Оказывается, что Белинский заметил в этих трёх литературных одно и то же: непонятные, фантастические смятение и беспорядок. Эти смятение и беспорядок произошли не только из-за стиля, а также из-за главного предмета произведения. Смятение и беспорядок вступали не в том произведении. Смятение и беспорядок вступали не в том произведении, в котором описывают общественный быт человека, а в том произведении, в котором изображают внутренний мир человека. Словом, смятение и беспорядок являлись поиродным свойством человека. Писатели, старающиеся выражать человеческую психологию, не могли избежать беспорядка или загадки. Психологический роман не мог быть простым, ясным и понятным романом.

Самый Белинский, мне кажется, понимал это отношение. Потому что, он настойчиво нападал на психологический роман или психологическое описание в произведении. При нападении на психологический роман, он утверждал, что настоящему писателю надо объяснить непонятную внутренность в полном порядке.

В десятой книжке “Отечественных записок” появилось третье произведение г. Достоевского, повесть: “Господин Прохарчин”, которая даже и почитателей таланта г. Достоевского привела в неприятное изумление. В ней сверкают искры таланта, но в такой густой темноте, что их свет ничего не дает рассмотреть читателю... Не вдохновение, не свободное и наивное творчество породило эту странную повесть, а что-то вроде... как бы это сказать?—не то умничанья, не то претензии... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, более похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествие, нежели на поэтическое создание. В искусстве не должно быть ничего темного и непонятного; его произведения тем и выше так называемых “истинных происшествий”, что поэт освещает пламенником своей фантазии все сердечные изгибы своих героев, все тайные причины их действий, снимает с рассказываемого им события все случайное, представляя нашим глазам одно необходимое, как неизбежный результат достаточной причины¹⁷⁾.

Я хочу заметить, что Белинский, может быть, втайне чувствовал, что “истинное происшествие” само представляет собой “странное и запутанное”.

Как уже сказано, во второй половине 1830-ых годов и в 1840-ых годах было два литературных направления: психологический роман и физиологический очерк. Это тоже было противопоставлением романтизма раннему реализму. В то время много писателей колебались между этими двумя

направлениями. Другими словами, даже в раннем реалистическом периоде психологизм играл довольно важную роль в прозаической литературе.

После смерти Лермонтова, самым великим замечательным представителем русского романиста-психолога являлся Ф. Достоевский. Его психологические элементы, очевидно, развивались под влиянием психологической тенденции с Карамзинского периода, особенно под влиянием Бестужева-Марлинского.

До сих пор, Достоевский вообще считался представителем русской реалистической литературы. Однако, если бы мы не заметили Достоевского как психолога, его необыкновенный талант не был бы понят до конца.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1) См.: *Лермонтовская Энциклопедия*, (Глав. ред. В.А. Мануйлов) АН СССР, М., 1981
- 2) О жизни и творчестве см.: М. Канадзава, А. Бестужев-Марлинский, *его жизнь и творчество*, *RUSISTIKA* №2, 1982
- 3) О психологическим элементом см.: Ф. З. Канунова, *Эстетика русской романтической повести*, Томск, 1973
- 4) А. А. Бестужев=Марлинский, *Сочинения в двух томах*, М., 1981, т.1, с.310
- 5) Там же, с.330—331
- 6) Ф. М. Достоевский, *Пол. собр. соч. в 30 томах*, т. 1, Л., 1972, с. 93-94
- 7) Там же, с. 270
- 8) А. А. Бестужев=Марлинский, *Сочинения в двух томах*, М., 1981, т. 1, с. 136
- 9) Там же, с.335—336
- 10) Белинский, *Соб. соч. в 9 томах*, М., 1982, т.8, с.165
- 11) Там же, с.143
- 12) Там же, с.363
- 13) Там же, с.215—216
- 14) Там же, с.363
- 15) Там же, с.404—405
- 16) Там же, с.369
- 17) Там же, с.214

(平成 5 年 11 月 22 日受理)